

А.М. Васютинским, А.К. Дживелеговым и С.П. Мельгуновым / Историч. комис. Учеб. отд. ОРТЗ. – М.: Задруга, 1912. – 352 с.

3. Михайловский-Данилевский, А.И. Описание Отечественной войны 1812 года / А.И. Михайловский-Данилевский – СПб.: Изд. А.А. Каспари 1899.– 720 с.

4. Де-Сегюр, Ф.П. Поход в Россию. Записки адъютанта императора Наполеона / Ф.П. Де-Сегюр. – М., 1911. – 156 с.

5. Белянчиков, Н.Н. Судьба сокровищ, похищенных Наполеоном в Москве / Н.Н. Белянчиков // Вопросы истории. – 1965. – № 4. – С. 215-217.

6. Жилин П.А. Отечественная война 1812 года / АН СССР, Отделение истории. – М.: Наука, 1988. – 494 с.

7. Мазинг, Г.Ю. Березина, год 1812 / Г.Ю. Мазинг, Л.Ф. Ерусалимчик. – Минск: Полымя, 1991. – 127 с.

8. Асіноўскі, С.М. Што раньш было.../ С.М. Асіноўскі. – Мінск: Беларусь, 2008. – 207 с.

9. Шашок, І. Загадка Стаячага возера / І. Шашок // Чырвоная змена. – 20 красавіка 1968 г.

10. Непомнящий, Н.Н. Тайны кладов / Н.Н. Непомнящий. – М.: Вече, 1999. – 409 с.

11. Роос, Г.У. С Наполеоном в Россию: Записки врача великой армии / Пер. с нем. под ред. И. Н. Бороздина. – М.: Сфинкс. Тип. Т/Д Худож. печать, 1912. – 334 с.

Конструирование национально-исторических мифов (на примере исторических трудов М. Довнар-Запольского)

С.А. Рогач, преподаватель

В силу исторических обстоятельств в последние несколько десятилетий в научной среде и в общественных кругах разных стран мира вновь обрели актуальность проблемы национального самоопределения. Отчасти это объясняется глобальными политическими и социальными трансформациями, а отсюда – сломом стереотипов, переоценкой ценностей, пересмотром многих, казавшихся до сих пор незыблемыми, концепций. Однако, несмотря на широкую разработку теорий по «национальной истории» в западных научных

школах, в регионе Восточной Европы эта тема пока остается недостаточно изученной. Это связано с замедленностью процессов национального строительства на постсоветском пространстве и, как следствие, с недостаточным критическим подходом к данной проблеме. Указанные недочеты могут играть негативную роль в развитии современного общества, поскольку незавершенность процесса национальной идентификации усиливает в нем степень подверженности идеологическим манипуляциям, в том числе путем мифологизации исторического прошлого.

Все это подчеркивает значимость расширения научно-теоретической базы истории, касающейся совершенствования национальных процессов в Восточной Европе и, в частности, в Беларуси.

Национальные исторические мифы, являясь смысловым ядром процесса формирования национальной идентичности, сыграли значительную роль в мобилизации этнонациональных движений. Важнейшими задачами этих движений были создание образа «гомогенного общества» и обозначение общей «линии развития» нации в прошлом, настоящем и будущем. Тем не менее, национал-центристские проекты изначально имели определенные элементы вымысла и, что более опасно, использовались для разных политических манипуляций. Поэтому критический анализ подобных идеологических конструкций с последующей трансляцией в СМИ и с изменением содержания образовательных программ может помочь снижению степени зависимости общества от негативного воздействия на них исторических мифологий.

Так называемая «национальная история» является фундаментом национальной идентичности и необходимым атрибутом национальных течений в политике. В свою очередь, национализм – как идеология и движение – нацелен на объединение людей по политическому принципу. Кратко его можно охарактеризовать как социально-политическое движение, участники которого пытаются обосновывать свои действия, опираясь на научные (или псевдонаучные) концепции, заключающиеся в представлении о социокультурном единстве и гомогенности широкой группы людей. Но далеко не всегда национализм является результатом заранее просчитанных манипуляций элит, он также зависит от нерациональных

восприятий и заблуждений людей, от особенностей их коллективной ментальности и от передающихся из поколения в поколение общих травматических воспоминаний.

Таким образом, при анализе специфики национальной истории необходимо учитывать, как минимум, два важных фактора: во-первых, особенность политического контекста, во-вторых, влияние (в большей или меньшей степени) различных идеологий, причем не только на мнения большинства, но также на научные позиции социо-гуманитарных исследователей (и, в первую очередь, на историков, являющихся авторами национально-исторических текстов).

Как справедливо отмечал американский критик А. Данто, ученым невозможно занимать конкретную научную позицию, не имея определенных пристрастий и предубеждений. А если учитывать эти аспекты при обращении к «национальной истории», любое воспоминание может оказаться искажением, но в то же время удачно вписываться в общую историческую картину (при условии, что «метанарратив» будет аргументированно построен и каузально связан [1, с. 40]).

На это же обращал внимание французский теоретик П. Бурдьё, подчеркивая, что попытки ученых создать фон «объективных» оценок реальности на самом деле не отражают реальность, а порождают ее эффекты (образы) [2, с. 39]. Последние выполняют функцию представления о «возвращении к своим корням», смягчая психологические травмы у тех, кто ощущает нехватку собственной идентичности [3]. Именно с этой целью «символические элиты» обращаются к романтизированным «мифологиям» этноса, наделяя их необходимым для насущных целей содержанием [4, с. 12].

По словам современного английского ученого Б. Андерсона, «нация» есть «политически воображенное» и политически сконструированное сообщество [5]. При этом под «воображенностью» подразумевается не абсолютная ложь или сказочность информации, собираемой и по-своему интерпретируемой историками, а ограниченность их доступа к исследуемому объекту. Отгалкиваясь от данной концепции, нацию следует трактовать не как «самоочевидность», а как «особый культурный артефакт». Иными словами, нация есть социально-политический феномен конкретного времени, в частности, начавший оформляться и заключаться в определенные

рамки в XVI–XVII вв., а наибольший расцвет получивший в XIX – XX вв. [5].

Другой английский теоретик Э. Смит более приемлемым для анализа наций считает комплексное использование «конструктивистской» и «этно-символистской» позиций, подчеркивая значительную роль в процессе конструирования наций культурных элементов сообществ, имевших место и в доиндустриальный период их развития [6].

Гораздо ближе к раскрытию идеологических, моральных и политических коннотаций в национальных историографиях подошел французский философ П. Рикер. По его мнению, социально-политические и демографические изменения в мире в последние несколько столетий привели к росту в обществах ощущений угрозы столкновений с «другими» и, как следствие, к увеличению «претензий на идентичность» и на «публичные выражения памяти». В результате реальность еще в большей степени стала искажаться и маскироваться, а затем в новом «виде» легитимироваться властью (как государственной, так и научно-академической). Это же усиливало идеологизацию памяти, а базовыми элементами смоделированной национальной истории становились конкретные фигуры власти, «национальные герои», наиболее важные в жизни общества события (как драматические, так и победоносные) [7, с. 119-121].

Основные позиции, которые в этих случаях стали занимать историки – это либо восславление нации (через выделение и описание так называемого «золотого века» в истории народа), либо выделение наиболее трагичных, травмирующих воспоминание событий, однако также используемых в качестве «назидательного урока» потомкам [7, с. 126-127].

В то же время, как отметил российский исследователь В.А. Шнирельман, в любых научных версиях «национальной истории» имеет место мифологичность, проявляющаяся в наибольшей степени в этноцентристских схемах прошлого. Путем неоправданной выборочности и упрощения исторических данных специалисты по национальным версиям истории чаще всего апеллируют к «древним истокам» национальной идентификации и к современной государственности. Их текстам характерны свержангажированность, повышенная эмоциональность, изображение «своего народа» как

«монолитного органического единства», культивирование наиболее важных, с их точки зрения, событий в истории нации (способствовавших ее расцвету либо повлекших за собой катастрофу), убежденность в устойчивости и преемственности этнокультурных традиций, претензии на принадлежность значимых исторических деятелей исключительно к их нации, замалчивание о взаимовлиянии с другими народами либо конструирование образа «иноземного врага», а также игнорирование критических замечаний со стороны научных оппонентов [8].

Различные мифологемы, присутствующие в историографических текстах, используются историками для создания целостно слаженного комплекса «исторических фактов» [9, с. 269, 283.]. Они способствуют конструированию истории определенного сообщества в неподвижной, четко обозначенной форме, а также призваны давать опору для самоидентификации и уверенной ориентации людей в быстро меняющемся мире. В то же время, исторические мифы не являются полной ложью или сказкой. В них могут присутствовать реальные факты, хотя главной их функцией является усиление правдивости и значимости определенных событий в истории нации [9, с. 267].

В этом отношении «золотой век» как исторически-оценочная категория используется для наибольшей героизации национальной истории. Эта мифологема несет компенсаторную функцию, заполняя лакуны коллективной памяти, сглаживая травматические переживания (из-за ощущения утраты «прекрасного прошлого»), а также способствуя сплочению вокруг позитивных образов (национальных героев и победных событий народа).

Таким образом, опираясь на концепции разных современных специалистов по проблемам истории наций и национализма, можно сделать краткий вывод о том, что под понятием «нация» в исследованиях по «национальной истории» изначально нужно подразумевать «воображенную», искусственно созданную «гомогенную» группу людей, но одновременно учитывать влияние на полученную «конструкцию» реальных этнокультурных факторов. Это же дает возможность выявить особенности мифологем конкретных наций и специфику образов, относящихся к разным периодам их развития. Все указанные выше аспекты могут быть прослежены на примере

классических версий истории белорусской нации, разрабатывавшихся в конце XIX – начале XX вв.

Во-первых, для первого этапа становления белорусской национальной историографии был характерен этнографический уклон. Во-вторых, в исторических произведениях, написанных на территории Беларуси в начале XX в., в большей степени, чем в Западной Европе, наблюдалось смешение позитивистско-документального и национально-романтизированного жанра историографии, что демонстрировало высокую степень политизированности исследователей [10, с. 19]. В-третьих, базой для написания исторических текстов являлись «этногенетические» или «этноцентристские» подходы. Суть их заключалась в том, что история отдельного народа, имевшего якобы общие кровнородственные связи, язык и религию, рассматривалась сквозь призму традиций и представлялась в исследовании в качестве эталона. Большинству этих работ был характерен декларативно-дидактический стиль, когда на фоне столкновений позитивных и отрицательных мифологем выстраивались призывы к «возрождению древней нации» [10, с. 116].

Одним из ярких примеров проявления данного подхода могут стать работы белорусского историка начала XX в. М. Довнар-Запольского (1867-1934 гг.).

Для начала стоит упомянуть некоторые особенности его профессиональной биографии. Будучи родом из Минской губернии, М. Довнар-Запольский не мог получить высшее образование в Северо-Западном крае. Это было связано с влиянием политических событий, имевших место в предыдущие десятилетия: т.е. с восстаниями 1830-1831 и 1863-1864 гг., в результате которых высшие учебные заведения в Северо-Западном крае почти полностью были закрыты. Поэтому М. Довнар-Запольский был вынужден учиться на территории Малороссии – в Киевском университете, где в последующем получил и свой первый профессиональный опыт [11, с. 272-273].

Научные интересы М. Довнар-Запольского формировались под влиянием украинского ученого В. Антоновича, возглавлявшего в Киевском университете кафедру русской истории. Двойственность научной позиции В. Антоновича (в которой отражались и проимперские, и узко националистические взгляды) в последующем отра-

зилась и во взглядах его учеников, включая и самого М. Довнар-Запольского. Более того, большой интерес В. Антоновича к истории Великого княжества Литовского в значительной степени сказался на том же пристрастии белорусского историка [11, с. 272-273].

В более поздние годы своей жизни М. Довнар-Запольскому не удалось избежать воздействия на его историографическую концепцию политических факторов. В частности, после событий 1917 г. и особенно после объявления независимости БНР он оказался включенным в сложную политическую игру, став в результате членом дипломатической миссии БНР в Киеве. Это же в последующем стало причиной запрета публикации одной из наиболее значимых его научных работ – «Истории Белоруссии» [11, с. 5,6]. Учитывая все отмеченные выше факторы, по-разному отразившиеся на формировании и изменении взглядов ученого, необходимо более подробно проанализировать его работы, специально выбранные в качестве предмета исследования.

В одной из первых своих статей под названием «Белорусское прошлое» [12, с. 317-345], опубликованной в 1888 г. (причем не в научном издании, а в газете «Минский листок»), М. Довнар-Запольский утверждал, что территориальные границы проживания «белорусского племени» остались теми же, какими были в IX-XII вв., а также то, что племена «русских племен» уже тогда «различались как по своим нравам и обычаям, так и по языку и степени образованности» [12, с. 318,319]. Более того, по его мнению, именно изначальное этнографическое различие племен не давало возможности для их слияния в единое целое [12, с. 320]. В той же статье он попытался дать определение понятию «народ», а также отдельную характеристику белорусов: «Группа людей, имеющая свои традиционные исторические начала, свои этнографические особенности и язык, такая группа людей составляет уже отдельную народность, племя, одним словом, народный организм» [12, с. 338].

Перечисляемые им далее «враждебные обстоятельства, клонившие к упадку древнерусскую жизнь», выступали в качестве алиби для самого народа, а роль «врагов» в данной работе получили «монголо-татары» и «литовцы», обвиненные историком в завоевании и подчинении себе русских племен [12, с. 323-324]. С другой стороны, рассказывая о последующих столетиях (XIV – XVI вв.),

М. Довнар-Запольский смягчил интерпретацию понятия «литовцы», поскольку, как он писал, очень много они «внесли в государственную и общественную жизнь современного русского общества» [12, с. 326]. Подчеркивая при этом важность «воинственного настроения» в ВКЛ, как характерного, по словам М. Довнар-Запольского, для всех народов той эпохи, тем самым он пытался оправдать насильственную форму власти, поскольку, в противном случае, у исторического образа «белорусского народа» исчезло бы доказательство его первенства в ВКЛ.

Так как для достижения наивысших точек в истории развития народа требуется наличие «героев», то и М. Довнар-Запольским такие были отмечены. По его мнению, ими являлись различные властители ВКЛ: «Так, период характеризуется всегда особенным воинственным воодушевлением народа, который устремляется с необыкновенной энергией к завоеваниям; в период этот появляются замечательные личности, становящиеся во главе народа. Нужно отдать полную справедливость, что первые литовские князья представляют собою замечательный пример мужества, стойкости ума и энергии в своих действиях, проникнутых истинным сознательным стремлением к народной пользе. Следуя централизационной политике, русско-литовские князья Витень, Гедемин, Ольгерд, Кейстут и Ягайло вскоре объединили под своею властью все собственно-литовские земли и часть западно-русских... На указанных основах взаимного сближения образовалось прочное соединение обоих племен» [12, с. 327-328].

Нарисовав таким образом картину «наилучшего» периода в истории белорусского народа, на следующих страницах своей статьи автор переходит к описанию «трагических событий», якобы помешавших «общей линии» развития белорусской нации. В итоге, начиная с описания унии 1387 г., образы «врагов» получают все католики на территории ВКЛ (включая литовцев): «Но, однако, политические обстоятельства конца XIV и начала XV вв. стали на пути соединения... Посягательство на свободу православия было в то же время посягательством на русскую культуру и на русскую народность... Поляки постепенно старались сблизиться с литовцами и с теми русскими, которые принимали католичество. Теперь русскому народу приходится бороться с польскою культурой; влияние его на

католическую Литву постепенно падает; последняя, принимая польские порядки, заражается духом католической нетерпимости» [12, с. 328-329].

В отношении Люблинской унии (1569 г.), а также Брестской церковной унии (1596 г.) М. Довнар-Запольский делает вывод, что созданные союзы изначально готовили новое государство к гибели. Это объяснялось, по мнению историка, изначальной разнородностью народов Польши и ВКЛ: по их религиям, национальным особенностям, а также по разнице их географического расположения [12, с. 330]. Образ «спасителя» и «героя», в интерпретации М. Довнар-Запольского, получает Московское государство, якобы призванное вернуть единство «православных славян»: «Когда белоруссы, и малоруссы поняли, наконец, невозможность дальше претерпевать польско-католическое иго, они стали искать внешнюю точку опоры, внешнюю силу, которая поддержала бы их в предстоящей борьбе. Такой силой была Москва, единоверная и родственная, на которую и обратили свои взоры западно-руссы» [12, с. 331]. В то же время, сравнивая польскую и московскую власть, М. Довнар-Запольский приходит к выводу, что белорусам всегда было характерно стремление «к децентрализации жизни, федеративному устройству», чему, в конце концов, помешали и московская «боярская олигархия», и «польская шляхта», так как «то и другое государство совершенно исключали демос, тогда, как белорусский народ был прежде всего, по своим историческим и народно-бытовым традициям, в высшей степени демократичен» [12, с. 334-335].

Некоторую трансформацию данного подхода М. Довнар-Запольского можно проследить, сравнив уже упомянутую версию с представленными им в более поздние периоды деятельности.

В частности, в изданных в 1897 г. результатах его исследования (ставших в последующем основой его докторской диссертации) об истоках ВКЛ он писал следующее: «Основы единения Русской и Литовской народностей зиждились... на равноправности, взаимном понимании полезности союза и веротерпимости. Русские области во внутренней своей жизни не лишались своих прав и обычаев; кроме великого князя, в большинстве городов, как Новогрудок, Полоцк и др., были удельные князья, управление страной осуществлялось с

согласия веча; в отношении государственного устройства литовские князья следовали русским традициям. Преобладание в новом государстве русских культурных начал было особенно заметно. Даже литовским государственным языком был русский язык» [13].

Та же интерпретация, но с большим вниманием к политическим делам, была им предложена в более поздней работе – «История Белоруссии» [9, с. 26]. Несмотря на то, что из-за исторических и политических обстоятельств М. Довнар-Запольскому при жизни не удалось опубликовать этот объемный исторический труд, в нашем случае это произведение стоит учесть, поскольку оно является классическим примером создания «метанарратива».

Одним из ключевых пунктов «Истории Белоруссии» было утверждение автора о «чистоте белорусского типа» и «исконности» его проживания на той территории, которую имела Беларусь в момент написания М. Довнар-Запольским данного труда [13, с. 25-26, 31-32].

Другим важным тезисом его книги было обозначение «традиционных черт» белорусов как «в высшей степени демократичных». По мнению М. Довнар-Запольского, основы этому были заложены еще в период существования «Древней Руси», где центральным местом организации «демоса» являлся город (в отличие от последующих эпох, когда первенство перешло к фольваркам и к сельскому хозяйству). Однако наибольший расцвет белорусского общества, по его мнению, пришелся на период XIV-XVI вв. Это утверждение он обосновывал тем, что в указанное время происходило добровольное объединение людей в ВКЛ, а также были успешно разрешены конфликты, возникшие и накопившиеся в предыдущую эпоху [13].

Вместе с тем, сравнивая белорусов с литовцами, М. Довнар-Запольский пытался подчеркнуть их первенство по уровню развития и в культурной, и в политической областях: «Долгое время литовское племя живет в весьма первобытных условиях... Ни торговлей, ни ремеслами литовцы не занимались и даже не имели поселений городского типа. Они жили в лесах, в бедных хижинах, занимались земледелием или бортничеством. Культурное их развитие стояло очень невысоко... Литовская религия отличалась такой же примитивностью, как и весь быт Литвы» [13, с. 54]. Переходя к вопросу о причинах появления ВКЛ, М. Довнар-Запольский про-

должал утверждать о главенствующей роли в этом процессе белорусов: «Миндовг колебался в выборе между крестоносцами и католичеством с их западной культурой и между русскими областями с их восточной культурой. Малочисленное литовское племя, притом малокультурное, в этом выборе значения не имеет. В конечном итоге Мендовг... на первый план выдвинул связи с белорусскими землями, чем определилась дальнейшая политика последующих князей» [13, с. 56]. Помимо этого, М. Довнар-Запольский по-прежнему подчеркивал, что ВКЛ формировалось не насильственным образом, а «с согласия населения, ввиду очевидной политической выгоды такого союза» [13, с. 57].

Однако, помимо образа «союзников», для подтверждения мощи народа или для нахождения «виновных», якобы мешавших главной линии его развития, требовалось наличие «врагов». По концепции М. Довнар-Запольского, антиподом белорусского народа становились, в зависимости от времени и ситуации, восточные или западные соседи, то есть, вся та же московская «олигархия бояр» или польская аристократия. Обе стороны, по его версии, исключали «демос» (то есть, «белорусский народ»). Более того, они оказывались главными обвиняемыми (особенно «польская шляхта») в трагедии «упадка» всего ВКЛ и белорусского общества, в частности. В то же время, при подобном описании белорусского этноса его социальная стратификация затушевывалась, а шляхетское сословие, наоборот, обозначалось как исключительно польское [13, с. 180-185].

В частности, М. Довнар-Запольский констатировал колоссальные потери белорусов после Ливонской войны, а также закрепощение крестьян после реформ с середины XVI в. В результате этот век получает у него название «чертовой (или золотой) вольности» [13, с. 184-185]. Как видится, этим он пытался подчеркнуть, что свободой и правами обладала только «польская шляхта», в то время, как «белорусский народ» находился под гнетом, что в последующем и привело к его «упадку» [13, с. 167-168]. В этом сюжете наиболее явно прослеживается выпячивание противоположных образов «героев» и «антигероев» в истории нации. Описываемые им реформы 1560-х гг., а также Статуты ВКЛ получают позитивную характеристику, когда речь идет о полученных для разных слоев

населения (включая мещан, волостных крестьян, представителей православного духовенства) возможностях обращаться в сейм со своими просьбами и ходатайствами или о языке («старобелорусском»), на котором издавались Статуты [13, с. 151]. Однако, когда данный период трактуется как эпоха «золотой вольности» в ВКЛ (XVI – XVIII вв.), тогда меняется и тон его характеристики: данный период начинает описываться как время «упадка» в сельском хозяйстве, следовательно, и во всей жизни белорусского народа.

Отдельное персональное восхваление у М. Довнар-Запольского в написанной им картине белорусской истории получил князь Витовт: «Великое княжение Витовта – важнейший период в создании Литовско-Русского государства. Великий князь отличался глубоким государственным умом, необыкновенной энергией и умел поставить свою политику в отношении областей так, что пользовался широкой популярностью среди населения. Это был выдающийся организатор вновь складывающегося государства, обладающий притом достоинством мудрого и храброго полководца. Основной целью его политики было создание самостоятельного Литовско-Русского государства и примирение двух господствовавших в нем национальностей» [13, с. 59]. В данном отрывке прослеживаются три ключевых момента. Во-первых, период правления Витовта трактуется как политический взлет ВКЛ. Во-вторых, его реализация оказывается зависимой от действий конкретной личности. В-третьих, идеалом для ВКЛ, по М. Довнар-Запольскому, была бы государственная независимость и внутреннее примирение.

Таким образом, вершиной политического развития ВКЛ (или иначе говоря, «золотым веком» в его истории) исследователю виделось время первых десятилетий XV в. Однако само выделение «золотого века» в политике делалось М. Довнар-Запольским в противовес большинству других описываемых им моментов из истории Беларуси как негативных или даже катастрофических (поскольку, в первую очередь, связанных с военными конфликтами). Образ удержания сплоченности народа под руководством авторитетной личности должен был выступать в качестве примера для «возрождения» идей единения нации и для их реализации в будущем. То есть, данная национально-историческая конструкция, по сути, не могла строиться без наличия в ней «героев».

С особым вниманием М. Довнар-Запольский подходит и к другим, неполитическим «героям» «золотого века» в истории Беларуси. Отдельную статью он посвятил деятельности Василия Тяпинского, «переводчика евангелия на белорусское наречие» [14, с. 232-256]. Как следует из высказываний самого М. Довнар-Запольского, его научный интерес объяснялся тем, что главной целью деятельности протестанта В. Тяпинского было распространение образования у славян [14, с. 240, 242]. Чтение Библии и религиозных трактатов на родном языке должно было способствовать сохранению «славянского языка», возрождению «древнерусской культуры», а также взаимопониманию и миролюбию людей. В то же время, для объяснения причин, помешавших реализации этих идей, цитируя самого В. Тяпинского, М. Довнар-Запольский указывает на социальные и религиозные препятствия в достижении этого проекта и, как следствие, «падение национального самосознания и образованности» в среде современников Тяпинского. В свою очередь, основной проблемой белорусского общества в XVI – XVII вв. М. Довнар-Запольскому видится «наступающее ополячивание» [14, с. 255]. Следуя этой логике, «золотой век» в культуре белорусов, не успев разрастись, очень быстро пошел на спад. И если в начале статьи описывались наилучшие черты «русского народа», то во второй ее части пересказываются только обвинения Тяпинского, направленные «на панов, высших церковных сановников и вообще на духовенство», приведших его к «материальной несостоятельности» из-за огромной растраты средств на типографию. Поэтому вместо похвал эпохи «золотого века» М. Довнар-Запольский завершает свою статью перечислением жалоб Тяпинского, а его призывы к «возрождению русской культуры», основанной «на школах и науках на русском языке», остаются всего лишь идеальными планами [14, с. 255-256]. То есть, в данной цепочке версий и доказательств, построенной М. Довнар-Запольским, снова прослеживается триединый комплекс мифологем «золотого века», «упадка» и «возрождения», среди которых первенство по красочности, широте описания и одновременно трагичности у него получает период «упадка».

На фоне столкновений позитивных и отрицательных мифологем выстраивались призывы к «возрождению древней нации», что вы-

глядело как обращенная в прошлое утопия. Однако в политической сфере это служило опорой для аргументации национальных проектов и действий. (В последующем имеется в виду государственная программа «белорусизации» БССР (1924 – 1929 гг.), отчасти совпавшая со временем написания М. Довнар-Запольским «Истории Белоруссии» [7, с. 116].

Для первых исследований М. Довнар-Запольского был характерен этнографический подход, позже военные и революционные события начала XX в. повлияли на изменение его концепции. В его работах стал заметен декларативно-дидактический стиль письма и наличие «единой линии» исторического развития белорусского этноса, что объясняется своеобразной попыткой обосновать государственный суверенитет нации.

В этом отношении особого внимания заслуживает его публицистический очерк «Основы государственности Белоруссии», отдельно изданный в Гродно в 1919 г. Учитывая время и место выхода буклета (т.е. уже после объявления нескольких деклараций о независимости – БНР, ЛитБел и БССР), можно объяснить и характер его пропагандистского стиля. В краткой форме (на четырнадцать страниц) М. Довнар-Запольский попытался изложить историю становления белорусского государства и таким образом доказать, что белорусы с давних времен имели независимость в форме Великого княжества Литовского: «Преобладание белорусов в этом государстве было и количественное, и качественное; в то время наши предки обладали уже высокой государственностью, литературой и вели широкие торговые сношения с немцами, тогда как литовцы до слияния с Русью не имели ни государства, ни письменности, не вели торговлю, вообще представляли собою народец, находившийся на весьма низкой ступени развития» [14, с. 2].

Сравнивая белорусский народ уже не с литовцами, а с южными соседями, М. Довнар-Запольский по-прежнему указывал на приоритет белорусов. По его мнению, из-за «сильного опустошения от татар» население южно-русских земель принимало «весьма слабое участие в общегосударственной жизни» ВКЛ, а после 1569 г. «только Белоруссия и Литва сохранили свою самостоятельность и заключили, как равные, договор Унии с Польшей» [14, с. 5].

В этой статье можно обнаружить и множество анахронизмов, использованных автором при описании государственной системы ВКЛ и Речи Посполитой. По его словам, «древнейший период истории Белоруссии характеризуется господством *демократических идей* в социальном и государственном укладе... Такой порядок вещей держался до начала XVI в.... Однако каждое из трех образовавшихся сословий в своем новом устройстве сохранило черты *древнего народоправства*... Города представляли собою свободные общины, *демократическое равенство*... Высшее военно-служилое сословие выработало формы *конституции*, представлявшие этому классу широчайшее участие в государственных делах... Дворянское сословие... добилось наибольших успехов в развитии *парламентаризма*... Уложившийся строй Литовского-белорусского государства есть строй республиканский с избираемым пожизненным *президентом*, носившим наименование великого князя. Таким образом воскресла в иной форме традиция *древне-русского народоправства*»(курсив мой – С.Р.) [14, с. 9-10].

Та же пафосность риторики заметна и в его характеристике культуры ВКЛ: «Действительно, в культурном отношении белорусская национальность может с гордостью вспоминать о своем прошлом... В литовско-русскую эпоху мы наблюдаем блестящее развитие в области литературы и права... Не только практика, но и прямой закон признавали за белорусским языком его государственное общеобязательное значение... Статутовое законодательство ярким образом является в высокой мере законодательством национальным» [14, с. 11]. Если сравнить данный текст с его другими упомянутыми работами, то здесь, в отличие от предыдущих, на первое место выходит образ «золотого века», а не «упадка». Это можно объяснить кардинальной сменой политической обстановки, когда совсем недавно появившемуся государству требовалось историческое подтверждение его основ.

Таким образом, на основании приведенных в качестве примера работ М. Довнар-Запольского можно сделать вывод об изначальной двойственности и противоречивости его позиции в отношении истории белорусской нации. Во-первых, в его историографии наблюдается фактическое расщепление «золотого века» на две части: 1350-1430 гг. – как расцвет политического влияния государства, а

1517-1569 гг. – как период культурного взлета. В то же время и эти даты оказывались не строгими, а меняющимися, в зависимости от использования их для позитивной или негативной характеристики описываемых событий и «героев». Во-вторых, позиция историка менялась под влиянием исторических и политических факторов (революционные и военные события начала XX в., Первая мировая война, развал европейских империй, формирование новых независимых государств) – с постепенным смещением акцента от трагических неудач в истории белорусов к «наилучшим» и «уникальным» их достижениям.

В научных текстах М. Довнар-Запольского видится тесная взаимосвязь его научной и политической позиций. Образ ВКЛ стал у него ключевым для обозначения времени взлета нации, особенно в XIV – XVI вв. При этом постоянная двойственность данных образов была запрограммирована изначально – из-за акцента на политическую историю войн (с перечислением побед или проигрышей) и изложения истории народа как жертвы, но с одновременным подбором, для сравнения, убедительных сюжетов из «далекого прекрасного прошлого». Эти особенности можно объяснить, с одной стороны, началом актуализации в XIX в. проблемы идентичности, а с другой, отсутствием у большинства исследуемых на тот момент этносов государственной независимости (либо ее наличие, но пока еще в течение небольшого исторического времени).

Другими чертами исторических трудов М. Довнар-Запольского было использование образа «золотого века» как компенсаторной мифологемы, снижающей травматические эффекты от ощущения нехватки, неясности, незавершенности национальной идентичности. Отсутствие предыдущих историко-научных позиций об «истории нации» сказывалось на слабости данной концепции, на ее мифологизированности и некритичности.

Таким образом, сутью национальной идеи М. Довнар-Запольского было построение истории нации как обязательно нераздельной модели. Данная конструкция строилась по принципу нелогичного сцепления бинарных оппозиций: с одной стороны, «золотой век», «прекрасное прошлое», а с другой – «ужасное настоящее». Или то же самое «настоящее» демонстрировалось как анти-

под проекту «возвращения» якобы лучших моментов «прошлого». Другим обязательным блоком бинарных категорий выступали образы «героев» и «врагов». Однако, как и было отмечено выше, в этом наблюдаются изначально заложенные противоречия и слабая степень научности подобной концепции.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что главной опасностью изложения «национальной истории» является наличие в ней мифологических образов, не подвергаемых научному анализу. Из-за серьезной политико-идеологической зависимости авторов подобных исследований в их позициях заметен отход от рационального научного дискурса и критического анализа к неотрефлексированной политической риторике.

Тем не менее, рост интереса в последние десятилетия к данной проблеме, а также появление новых форм интерпретации «национальной истории», скорее, подтверждает расшатывание национальных идентичностей и смещение акцента на другие варианты самоидентификации. В свою очередь, раскрытие мифологичности подобных концепций должно способствовать предотвращению конфронтаций на национальной почве.

Использованная литература

1. Данто, А. Аналитическая философия истории. Пер. с англ. А.Л. Никифоровой, О.В. Гавришиной; под ред. Л.Б. Макеевой / А. Данто. – М.: Идея-Пресс, 2002. – 292 с.
2. Бурдые, П. Описывать и предписывать. Заметка об условиях возможности и границах политической действительности. Пер. с фр. А Бикбова / П. Бурдые. – М.: Логос, 2003. – № 4. – С. 33-41.
3. Бурдые, П.; Шартье, Р. Люди с историями, люди без историй. Пер. с фр. О. Кирчик. // Новое литературное обозрение, 2003, № 60. Доступ через Интернет: <http://magazines.russ.ru/nlo/2003/60/shart.html>
4. Бурдые, П. Практический смысл. Пер. с фр.: А.Т. Бикбов, К.Д. Вознесенская, С.Н. Зенкин, Н.А. Шматко / П. Бурдые. – СПб, 2001. – 562 с.
5. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. Пер. с англ. В.Г. Николаева / Б. Андерсон. – М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. – 288 с.

6. Смит, Э. Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма / Пер.с англ. А. Смирнова / Э. Смит. Доступ через интернет [http // www-politizad.ru / fragment](http://www-politizad.ru/fragment).

7. Рикер, П. Память, история, забвение. Пер. с фр. И.И. Блауберг и др. / П. Рикер. –М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. – 728 с.

8. Шнирельман, В.А. Национальные символы, этноисторические мифы и этнополитика / В.А. Шнирельман. – В:Библиотека Гумер – гуманитарные науки .Доступ через Интернет:[http://www.gumer.info/bibliotek Buks/Polit/Article/schnir nac sim v.php](http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Article/schnir_nac_sim_v.php)

9. Барт, Р. Мифологии. Пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С.Н. Зенкина / Р. Барт. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2000. – 32 с.

10. Лінднэр Р. Гісторыкі і ўлада: нацыятворчы працэс і гістарычная палітыка ў Беларусі XIX – XX ст. / Р. Лінднэр. Пер. з ням. Л. Баршчэўскага; нав. рэд. Г. Сагановіч. Выд.2. – СПб.: Неўскі прасцяг, 2005. – 540 с.

11. Ліс, Арсень. Доўнар_Запольскі / Арсень Ліс // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т / рэдкал.: Г.П. Пашкоў (галоўны рэд.) [і інш]. – Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 1996. – Т. 3. – С. 272-273.

12. Довнар-Запольский, М.В. Белорусское прошлое / М.В. Довнар-Запольский // Исследования и статьи. 2-е изд. – Минск: Беларусь, 2005. – С. 317-345.

13. Довнар-Запольский, М.В. История Белоруссии. 2-е изд. / М.В. Довнар-Запольский. – Минск.: Беларусь, 2005. – 456 с.

14. Довнар-Запольский, М.В. Основы государственности Белоруссии / М.В. Довнар-Запольский. – Гродно: Редактор-Издатель М.О. Засецкий, 1919.– 16 с.

Рэфарматарская дзейнасць Паўла І

А.І. Багдановіч, канд.гіст.навук, дацэнт

Час праўлення Кацярыны II – гэта перыяд, калі Расійская імперыя дасягнула найбольшага аўтарытэту і ўплыву на